

Автор выражает благодарность Григорию Панченко за добросовестные и квалифицированные консультации по всевозможным специальным вопросам. К сожалению, не всегда была возможность последовать рекомендациям. Все фактические ошибки — на совести автора.

ПРОЛОГ

Карета остановилась, из приоткрывшейся дверцы выглянул старик. Он кивнул долговязому человеку, который, жуя травинку, подпирал стену заброшенного дома. Окинув вечернюю улицу быстрым взглядом, мужчина направился к карете.

— Что скажете, Архивариус? — произнес он, усаживаясь напротив старика и закрывая дверцу.

— Ее настоящее имя — Джаконда Валериус. Не слишком знатный род. — Архивариус пожевал губами, собираясь с мыслями. Говорил он медленно, иногда надолго замолкал. — Обычная девица, должна была выйти замуж, родить детей, потом состариться и умереть. Но прапрадедом Джаконды был Гиз Валериус. Вы, наверно, слышали о нем, Трилист...

Он посмотрел на собеседника слезящимися глазами. Трилист Геб, служивший капитаном

городской полицейской стражи, провел ладонью по ежику темных волос, потер лоб. У капитана был прямой хрящеватый нос, круги под глазами и запавшие щеки. Он казался невыспавшимся и усталым.

— Гиз... Черный Гиз? Этот сумасшедший, который...

— Да, Черный Алхимик. А вы никудашно выглядите, капитан. Не спали?

— Уже две ночи.

— Так вот, алхимик держал в страхе селения к югу от города. Его потомки — заурядные обыватели. Но в Джаконде, надо полагать, проснулась кровь прадеда. Кстати, ходили смутные слухи, что у нее была сестра-близнец. Так или иначе, в тринадцать лет, когда ее собрались выдать замуж, Джаконда сбежала, перед этим отравив своего отчима. Подлила ему что-то в вино. Через какое-то время она стала ведьмой. Сначала — ученицей Зуры Лесной, про которую вы, наверное, тоже слышали. Затем убила учительницу, в схватке с ней потеряла правый глаз, после чего ее и стали называть...

Архивариус надолго умолк, и капитан Геб, не выдержав, заключил:

— ...Одноглазой Джакондой.

— Что? Да, вот именно. У бедняков она не то выкрадывала, не то покупала младенцев, растила и обучала. Жили они в Горах Манны. Ученики с детства лазали по кручам, людей, кроме Джаконды, не знали... Ну вот, а теперь их называют «мальчиками-душителями». Сейчас их... семь или восемь? Если задуматься, в Аквадоре такого до сих пор не было. Есть наемники, есть ведьмы и шаманы, есть *чары* — тут все ясно. Но банда Одноглазой Джаконды... Она и ее ученики — наемники, знающие магию. Очень опасное сочетание. Разбойники, которые выполняют всякую грязную работу для тех, кто может заплатить, а помимо этого, живут ограблениями и убийствами. Сама Джаконда уже мало напоминает человека. Она еще хуже Черного Алхимика, своего прапрадеда.

— Почему? — спросил Трилист.

— Потому что много лет прожила в Горах Манны. Что вы знаете о манне, капитан?

Трилист пожал плечами.

— Какие-то магические штучки. Я мало смыслю в этом.

— Вот именно, магические. Манна — мягкое

темно-синее светящееся вещество, которое иногда находят в горах. Она выступает из скальных трещин. Здесь, в центре Аквадора, она крайне редка и очень дорого стоит. Она... сложно объяснить. В наших цехах манну используют для некоторых опытов, но в крошечных дозах, потому что она выделяет мощную природную магию, которая, если нет надлежащей защиты, влияет на окружающее самым непредсказуемым образом.

— На окружающее? — переспросил Трилист Геб.

— Да, на людей и предметы. На все. Основной источник манны — те самые горы, где поселилась Джаконда с учениками. Больше там никто не живет, ни один человек, только в предгорьях есть редкие поселения. Насколько я знаю, у вашего тестя где-то там неподалеку родовой замок. Так вот, много лет Джаконда и ее ученики ползали по этим горам, подвергаясь воздействию манны. Теперь они... не совсем люди.

— Ясно, — сказал капитан, помолчав. — Благодарю вас. Хотя, признаться, сведения неутешительные.

— Но вы уверены, что Джаконда и ее мальчики сейчас в Форе?

— Сдается мне, это именно они, Архивариус.

— И как давно, по-вашему, они здесь?

— Два-три дня... Во всяком случае, два дня назад произошло первое исчезновение. Потом пропали еще трое горожан. Потом на одного напали — ночью, посреди города. Он сумел спастись. Его пытались задушить, в темноте он плохо разглядел нападавшего. Но я видел следы на шее — очень необычные.

— И трупы пропавших вы не нашли... Нет.

Старик некоторое время сидел молча. Седая голова его мелко тряслась.

— Странно, — произнес он, наконец. — Что ей понадобилось в столице? Джудекса Темно-Красный...

Трилист Геб, уже приоткрывший дверцу, чтобы покинуть карету, вопросительно посмотрел на Архивариуса. Тот пояснил:

— Джудекса, дикий шаман, долгое время живет в Форе... Он пришел сюда, самовольно занял старую башню — и городские магические цеха не стали его выгонять. Не наняли убийц, которые без лишних разговоров прирезали бы его. Это небывалый случай. Что, если появление

Одноглазой Джаконды как-то связано с Темно-Красным?

Капитан сказал:

— Это вам лучше знать. Кто из нас работает на цеха?

Архивариус укоризненно возразил:

— Я служу у Владыки, это несколько другое.

— Одного не пойму, — произнес Геб, хмурясь.
— Даже если Джаконда со своими душителями прибыла сюда из-за шамана... Он занимается некроманией, постоянно проводит опыты в своей башне... Ну, допустим, ему понадобилась эта горная манна... Вы ведь это хотели мне сказать?

Старик кивнул.

— Хорошо, для опытов шаману понадобилась манна, он дал знать Джаконде, и она привезла ему вещество. Мы следим за шаманом, поэтому они не могли встретиться открыто, и Джаконда выжидала удобного случая. Да, это похоже на правду. Но зачем ее мальчикам убивать кого-то? Зачем привлекать к себе внимание, зачем вообще высовываться? Они могли бы поселиться в Пепельном квартале — там бы мы их никогда не нашли. Все, что им нужно, — передать манну

Темно-Красному, получить плату и убраться восвояси.

— Не забывайте, они не люди. Если Джаконда еще способна соотносить свои поступки с окружающим, то ее мальчики... Быть может, убийства для них — естественное поведение в таком месте. Впрочем, не думаю, что ведьма взяла сюда всех своих учеников. Зачем они ей здесь? Скорее одного или двоих, для охраны. Иначе убийств было бы больше.

— Что значит «естественное поведение в таком месте»? В каком таком месте?

— В Горах Манны никто не живет, — повторил старик. — Там просто некого убивать, понимаете? Но, попав в город, где вокруг множество людей, они не могут подавить свои наклонности. Как волк не может не убить, если вдруг попал в овечий загон. Я не утверждаю, капитан. Я предполагаю.

Уже шагнув на мостовую, Геб возразил:

— Есть и другое предположение. Возможно, тела для чего-то нужны шаману. Для опытов, например. И Джаконда не только привезла ему эту вашу манну, но и добывает для него мертвецов.

— Интересная идея, — согласился Архивариус. — Да, пожалуй, это вполне вероятно. Вы давно не заглядывали ко мне, капитан. Приходите как-нибудь вечером на партию «чарика», я расскажу вам про шаманов из диких земель.

Трилист Геб кивнул, захлопнул дверцу и сказал сидящему на козлах кучеру:

— Трогай.

Когда карета уехала, он быстрым шагом направился в противоположную сторону.

Фору еще называли Городом-На-Горе, и караульная городской стражи стояла ближе к вершине. Когда Трилист Геб приблизился к ней, двери распахнулись, и навстречу выскочил дородный сержант по имени Крукол.

— Кажись, нашли их берлогу! — выкрикнул он. — Всего в двух кварталах отсюда!

За сержантом высыпало несколько стражников. Увидев капитана, они остановились, но Трилист приказал: «Крук, веди» — и вскоре уже группа вооруженных протазанами, дубинками и мечами мужчин быстро шла прочь от караульной.

По дороге сержант рассказывал:

— ...Они случайно увидели шамана. Он вышел из дома с мешком и тут же куда-то подевался. Это Энгибо, Борджа и Саварзар. Они стали соображать, что это означает — ведь мы следим за башней Джудексы, как он смог выбраться незамеченным? — и вдруг в окне того дома, из которого он вышел, появилось какое-то чудное существо. Борджа побежал сюда, а те двое остались.

— Что за дом? — спросил Трилист.

— Дом чара.

— Даже так?

Чарами в городе называли тех, кто обладал магическими способностями.

Завидев перед собой толпу стражников, прохожие поскорее освобождали дорогу. Вокруг были срединные кварталы, дома здесь по большей части принадлежали небогатым ремесленникам и не слишком преуспевающим чарам.

— Далеко еще? — спросил капитан, когда они выскочили в переулок, за которым начинался пустырь. — Постой, так ведь башня шамана неподалеку!

— Дом чара тоже на пустыре, — откликнулся тяжело дышащий Крукол.

На середине пустыря возвышалась двухэтажная каменная постройка, вокруг нее все заросло бурьяном. Перед входом маячили двое караульных. Рядовой Саварзар, совсем недавно принятый в стражу, стоял, беспокойно поглядывая по сторонам, а рядовой Энгибо, ветеран, прослуживший уже много лет, сидел на сломанном бочонке.

— Разойдитесь, — приказал Геб пришедшим с ним стражникам. — Вокруг дома, попарно.

Саварзар увидел их и тронул за плечо Энгибо. Тот оглянулся, встал с бочонка.

— Никто не выходил! — возбужденно заговорил новичок, когда капитан с сержантом приблизились. — Я хотел внутрь, чтоб разобраться с ними, а он не пустил. Я хотел... Надо через окно, а потом...

— Правильно не пустил, — перебил сержант и обратился ко второму рядовому: — Это точно был шаман?

Энгибо, невысокий жилистый малый, мрачно жевал табак.

— Ага, — пробормотал он, сплевывая в траву.
— Что я, не различу...

— Шаман, вправду он! — подхватил Саварзар.
— Здоровый такой, страшный, волоса черные...
Вышел оттудова с мешком, по сторонам зыркнул
и дал деру. И дверь, вон, видите, дверь до сих пор
приоткрыта...

Трилист спросил:

— Так почему вы под окнами торчите, на
виду?

Саварзар замер с раскрытым ртом, а Энгибо
пожал плечами.

— Дурни потому что, — разъяснил Крукол. — В
окне вы кого увидали?

Рядовой затараторил:

— Вроде человек, но не похож на человека. И
маленький. Мальчонка вроде. Ну, или юнец. Он
быстро мелькнул, мы не разобрали.

— Главное, он там висел, — буркнул Энгибо.

— Как это? — удивился Крукол.

— Так просто — висел, и все тут.

— Мы удивились — страх! — продолжал Саварзар. — Глядим: маячит. Пригляделись: вроде не на полу стоит, а прям висит над ним, прям за окном... — полуобернувшись, он ткнул рукой в одно из окон верхнего этажа. Сержант и капитан поглядели туда — все окна были темными.

— Хотя, наверно, он держался за что-то, — раздумчиво добавил Энгибо.

Саварзар запротестовал:

— Да не, где ж держался! Я бы заметил. Я бы...

Ясно было, что новичок сильно напуган. Энгибо хоть виду и не подавал, но, конечно, тоже боялся, потому что понимал: в гости к Джаконде первыми предстоит идти именно им.

— Мальчонка, значит. А хозяйева дома не появлялись? — спросил сержант.

Саварзар замотал головой.

— Не, никого. Может, убили их? Ведьма эта со своими душителями? Что теперь делать будем? Может, подожжем? А, не, оно ж каменное! Ну, тогда, может...

— Так, рядовой, заткнись, — распорядился

сержант Крукол.

Они с капитаном огляделись. Солнце садилось, от окрестных домов на пустырь напоздали тени. Остальные стражники рассредоточились вокруг дома.

Сержант произнес:

— Надо быстрее. Сейчас стемнеет, тогда хуже будет.

— Они пусть там стоят, — сказал Геб. — Пусть караулят и, если кто-то из окна выскочит, не дадут ему уйти. Мы вчетвером — внутрь.

Крукол кивнул, Энгибо сморщился и опять сплюнул в траву. Саварзар шумно вздохнул. Сержант махнул рукой, и окружившие дом рядовые достали из ножен палаши.

Геб тоже обнажил свой палаш. Его оружие было куда лучше, чем у других стражников. Гарда — чашка с узором и защитными дужками, хорошо закрепленная на хвостовике клинка рукоять, дорогой металл и очень острая кромка на заточенной стороне.

Сержант пробормотал:

— Непонятно мне. Эти олухи под окнами

торчали на самом виду — почему Джаконда со своими мальчонками на них не напала?

— Я сейчас с Архивариусом разговаривал, так он так он сказал, что они теперь не как люди. Думают иначе, чем мы. Может, для них это естественно — затаиться, зная, что их выследили.

— Естественно... — протянул Крукол. — Ладно, пошли. Энгибо, ты первый.

Ветеран городской полицейской стражи угрюмо кивнул, словно заранее знал, что именно ему выпадет эта честь. У Энгибо и Крукола были дубинки, у Саварзара — новенький протазан с блестящим наконечником.

Шелестя травой, они подступили к дверям. Энгибо приник к щели и смотрел так долго, будто решил провести в этом положении остаток вечера, дожидаясь, когда Одноглазая Джаконда вместе со своими мальчишками скончается сама собой, от скуки. В конце концов, сержант слегка подпихнул его. Энгибо приоткрыл дверь, оглянулся с видом мученика и ступил внутрь. За ним вошел Крукол, следом Геб, потом Саварзар. Первые трое двигались медленно и бесшумно, а Саварзар тут же зацепил притолоку наконечником — звон разнесся по просторному полутемному холлу с широкой лестницей и пыльными углами. Остальные замерли, не

оборачиваясь, и выражения их спин были такими многозначительными, будто все трое беззвучно задавали вопрос: «Ты что, рядовой, опупел?» Саварзар смешался и закашлялся.

Некоторое время они стояли в полной тишине. Ничто не двигалось, из-под лестницы — там виднелась приоткрытая дверь — и со второго этажа не доносилось ни звука.

Трилист Геб показал на Крукола, на Энгибо, махнул рукой. Сержант и рядовой кивнули. Геб, поманив Саварзара, направился к двери. Новичок, выставив перед собой протазан, нагнал капитана и пошел рядом, в то время как остальные двое двинулись к лестнице.

Геб шел медленно, внимательно глядя по сторонам. Здесь везде были паутина и пыль. Интересно, куда подевался хозяин дома, чар? А слуги?

Крукол с Энгибо стали подниматься по ступеням. Капитан приостановился, кивком показал на дверь. Саварзар недоуменно замер. Трилист ухватил его за плечо, притянул к себе и прошептал: «Открой ее копьем».

Лицо Саварзара просветлело, он вытянул вперед протазан, просунул наконечник в дверь и нажал, раскрывая ее. Капитан кивнул. Тем

временем Крукол и Энгибо, идущие совсем медленно, добрались до четвертой ступени. У широкой деревянной лестницы были массивные резные перила, рядовой шел ближе к левой стороне, сержант — к правой.

Капитан глазами показал новичку на раскрытую дверь и сделал шаг к ней. Сверху раздался вопль.

Очень мало человеческого было в этом вопле. Скорее он напоминал гудок сигнального рога, куда вплетается клекот пришедшей в ярость крупной птицы.

Капитан вскинул голову, глядя на мальчика-душителя, — тот стремительно слетал по перилам, головой вниз. Белые как снег длинные волосы развевались; существо мчалось на четвереньках, невероятным образом удерживаясь при помощи коленей и рук. В первое мгновение Гебу показалось, что мальчик зарос шерстью, но потом капитан понял, что на нем одежда из шкур.

Сбитый с ног Энгибо покатился по ступеням. Крукол, прыгнув с другого края лестницы, опустил на спину мальчика дубинку. Раздался хруст. Мальчик свалился под ноги Круколу, подпрыгнул, растопыбив конечности, — сержант отлетел от него, ударился о противоположные

перила. Душитель рухнул на ступени, вновь издал гудящий вопль, попытался встать, но подскочивший сержант обрушил дубинку ему на голову.

Что-то ударило Геба с такой силой, что он упал на колени. Рядом возникло лишенное всякого выражения очень худое юное лицо. К горлу вставшего столбом Саварзара протянулись белые пальцы, раза в два длиннее, чем у обычного человека, растопыренные, тонкие, как веточки. Вот они ухватили рядового за шею, Саварзар глухо замычал. Геб, вскочив, рубанул палашом — четыре отсеченных пальца полетели на пол. Мальчик загудел и бросился прочь, капитан махнул оружием над полом, но не попал — душитель перепрыгнул через клинок и взлетел на стену. Лишенный части пальцев, удержаться он на ней не смог и, перескочив через головы стражников на середину холла, помчался к дверям. Оттуда уже доносились голоса тех, кто остался снаружи, и топот ног.

Саварзар стоял неподвижно, пока Крукол спускался, за волосы волоча мертвого душителя. Энгибо ковылял к капитану. Геб сунулся в дверь, тут же упал и снова вскочил; в те несколько мгновений, пока он лежал, над ним пронесся арбалетный болт. Ноги у капитана были длинные, руки тоже. Он бросился вперед, — делая гигантские шаги, с криком вытянув перед

собой палаш, — и вонзил острие в живот Одноглазой Джаконды.

Она сидела на высоком табурете посреди кухни со здоровенным арбалетом в руках. Длинные, прямые, очень белые волосы, алые тонкие губы, провал на месте правого глаза — все это на мгновение мелькнуло перед Гебом, пока он протыкал живот Джаконды и сбрасывал ее с табурета. Позади ведьмы лежало несколько трупов слуг, большой кухонный стол был залит кровью.

Табурет перевернулся, Джаконда упала спиной на пол. Геб встал над ней, высвободив палаш, нагнулся, разглядывая худое тело, кровь на животе под распахнутым меховым жилетом... Руки ведьмы взметнулись, и костяшки согнутых пальцев ударили капитана в глаза.

Трилист, вскрикнув, отшатнулся. Он на мгновение ослеп. Присел, не видя, куда бьет, наотмашь махнул палашом, выпрямился, получил второй удар в лицо и, наконец, сквозь слезы смог различить фигуру перед собой. Ведьма шагнула к нему, но споткнулась о свой арбалет. Капитан, сжимая палаш обеими руками, нанес удар.

И отсек голову Одноглазой Джаконде.

Когда они вывалились из дома, под дверями одна половина отряда помогала подняться другой половине. Еще двое стояли в отдалении на краю пустыря, рядом с каким-то незнакомцем. Стражники растерянно ругались.

— Что случилось? — заорал Крукол. — Где мальчонка?

— Убег... — пробормотал один рядовой, потирая грудь. — Расшвырял нас и убег.

— Убег?! Мы, сержант с капитаном, завалили двоих, душителя и саму Джаконду, а вы, шестеро бугаев, не смогли справиться с одним?! — И без того красное лицо Крукола стало свекольным.

— Так на то вы и сержант с капитаном, — ответили ему.

Тогда Крукол тоже начал ругаться. Сержант происходил из небогатой семьи ремесленника, в юности его отдали в семинарию, а после папаша его разорился, и Круколу пришлось семинарию бросить. Чтобы кормить семью, он поступил на службу в городскую стражу. В результате речь его всегда казалась Трилисту немного странноватой: Крукол ухитрялся совмещать длинные, иногда довольно-таки заковыристые фразы с чисто сержантской манерой изъясняться. Да и ругаться он умел лучше многих, просто уши

сворачивались.

Рядовые смущенно огрызались, показушно стонали и пытались вправить свои якобы вывихнутые конечности. Энгибо, усевшись на бочонок, вновь с мрачным видом жевал табачную жвачку. Саварзар, выпучив глаза и держась за шею, бесцельно бродил вокруг. Новичок часто икал, его покачивало. Трилист Геб пригляделся к тем двоим и незнакомому человеку, что стояли на краю пустыря.

— Мальчонка! — орал Крукол. — Душитель! Убег! Вшестером — одного мальчонку!..

— Да никуда не делся твой мальчонка, — в конце концов, сказали ему. — Вон он валяется.

Трилист уже направился к троице на краю пустыря. Подойдя, он увидел лежащего на спине мальчика-душителя. Что-то странное произошло с его лицом — собственно, оно теперь мало напоминало лицо. По нему будто вмазали тараном, при помощи которого захватчики обычно пытаются проломить ворота осаждаемого замка. Капитан перевел взгляд на двух рядовых и толстяка, стоящего рядом.

— Это вы его так? — спросил он. — Молодцы.

— Не-е... — протянул один стражник. — Он

того... как выскочит, как всех расшвыряет...

— Да как поскачет по траве, — добавил второй. — Мы за ним. Но мы бы не догнали. Это вот он. — Рядовой показал на толстяка. — Просто мимо шел вдоль пустыря. Я ему кричу: задержи! Задержи, кричу, этого мальчика, убийцу и душителя! Ну, он и того... задержал.

Капитан вновь посмотрел на душителя: лицо его было вроде как размазано по черепу. Геб внимательнее, с пробуждающимся интересом пригляделся к незнакомцу. Совсем бедно одетый, в обносках. Голова обрита, лишь на макушке круг волос. Парень, с виду довольно молодой, отличался завидными объемами, вот только это была не вялая тучность, как у какого-нибудь богатого торговца. На правом запястье Геб увидел рисунок-татуру: два полумесяца на фоне пирамиды с кружком в центре.

Тонкие синие линии четко проступали на коже. Капитан оглядел парня с ног до головы, не заметил оружия и спросил:

— Чем ты его ударил?

Толстяк молчал, тупо пялясь на Геба.

— Так эта... — сказал один из рядовых. — Кулаком же.

— Не ври.

— Не, я эта... не вру же. Вправду, навернул его кулаком. Я ж, говорю, закричал: держи мальчонку — ну он и...

— Тебя как звать? — спросил Трилист.

Толстяк вытянулся, прижав руки к бокам и выпятив живот. Помолчал, будто собираясь с мыслями, пошевелил губами. Затем стукнул себя кулаком в грудь и рявкнул:

— Вач!

— Что? Вач? Хорошо...

Капитан устал. Слишком много воспоминаний накопилось в голове, слишком много людей ему приходилось видеть каждый день службы, слишком много событий и происшествий — перепутавшиеся образы отягощали утомленное сознание.

Он медленно, глубоко вдохнул, затем

неспешно выпустил воздух из груди. Все волнения последних дней, когда начали исчезать горожане и, стало известно, что в город прибыла сама Одноглазая Джаконда, ночные бдения, поиски, слезка за шаманом Темно-Красным Джудексой — все это отступило куда-то далеко. Дом, пустырь вокруг, фигуры стражников, улицы и здания Форы — весь мир потускнел, отдалился и стал неявным, *несущественным*. Для чего я занимаюсь этим вот уже столько лет, почему должен защищать кого-то, что заставило меня взвалить на себя ответственность за других, почему я несу ее, словно хромоногий карлик-калека — тяжелый, кренящий к земле горб? Трилист поднял глаза: на фоне темнеющего неба высилась огромная пирамида, занимающая вершину горы. Вокруг громады плескалось сияние, стекало по каменным стенам к подножию. Он смотрел долго, не шевелясь. Время остановилось, звуки смолкли. Геб растворился в прохладном воздухе тихого вечера; наползающие сумерки приняли его в себя и укрыли от всех тревог, что беспрерывно одолевают того, кто служит капитаном полицейской стражи в столице огромной разваливающейся империи. Дома и мостовые, колодцы, конюшни и сараи, хоромы знати и лачуги бедноты, караульни, башни, скотные, птичьи и постоянные дворы, трактиры, темницы, жилища чаров — Острог-На-Костях, Наледь,

Солнечное Око — все материальные свидетельства человеческой жизни пропали; капитан Геб провалился в пустоту. Мир потускнел, и лишь здание на вершине сияло, слепя глаза. Не ведьма, пробравшаяся в город, и не шаман... Главная угроза шла от пирамиды.

Усилием воли вернув свое внимание к происходящему вокруг, Трилист перевел взгляд на толстяка и задал следующий вопрос:

— И где ты служишь, Вач?

Часть первая. Живое и мертвое

Глава 1

В комнате их собралось пятеро: два старика, двое зрелых мужчин и последний, едва переступивший порог, за которым человека уже не называют юношей. Власть этих людей простиралась на сотни лиг — Аквадор раскинулся меж четырех морей, Окраинный океан служил ему западной границей. Хотя Аквадором эти люди называли весь мир, где им выпало жить, — империя именовалась Зелуром. Но других государств зелурцы не знали, и в сознании большинства мир был равен империи.

Столица величайшего государства мира носила имя Фора. Город был воздвигнут на узком перешейке, соединяющем континент с землей, которой в будущем предстояло стать островом. В центре Форы высилась гранитная пирамида: Универсал, Гора Мира. Аквадор держался на трех типах людей: тех, кто воюет, тех, кто работает, и тех, кто колдует. Универсал — так называли и саму пирамиду, и сообщество, центром которого было это здание, — объединял чаров. Тех, кто

колдовал.

Октон Маджигасси окинул взглядом гостей. В последнее время зрение изменяло Владыке. Он еще мог разглядеть черты смуглого молодого лица Некроса и длинные седые волосы Гело, но двое других, схожие ростом и телосложением, на этом расстоянии становились почти неразличимыми.

Хозяин полулежал на застланной постели, гости расположились в креслах поодаль.

— Сядьте ближе, — произнес Октон, — я хочу видеть вас всех.

Снаружи не доносилось ни звука — окон в помещении не имелось, со всех сторон его окружала толща пирамиды. Гости придвинули кресла. Теперь Владыка мог разглядеть рыжую шевелюру Сола и круглое розовощекое лицо Доктуса. Маджигасси сощурился, переводя взгляд с одного чара на другого. Каждый из пришедших был аркмастером, главой магического цеха.

Некрос произнес:

— Что же, вы позвали, и мы пришли. Теперь мы слушаем вас.

Владыка откинулся на подушках. Спальню

ярко освещали огни множества литых свечей из нежно-розового пчелиного воска. Октон приказал расставить и зажечь их перед приходом гостей, он желал видеть выражение лиц и жесты.

Их четверо. Первый — друг, второй — враг. И еще двое, которые в этот вечер, скорее всего, станут врагами. Каждый надеялся, что Мир достанется ему.

Каждый, кроме Доктуса Савара. Основатель цеха вещественной магии не интересовался властью над Универсалом — лишь своими мастерскими, плавильными печами и перегонными кубами. Единственный из присутствующих, искренне преданный Октому. Сын бедного ремесленника не смог бы достичь столь многого без высокого покровительства. В свое время Октон, разглядев талант молодого ученика, поддержал его. До сих пор Доктус не напоминал чара — плотный мужчина среднего роста с красным от жара плавильных печей лицом. Крупные руки и толстые короткие пальцы, широкие плечи и сильная шея... Внешне аркмастер цеха вещественной магии так и остался ремесленником из пригорода. Но магия всегда накладывает отпечаток на того, кто занимается ею, и иногда Октому казалось, что в глазах Доктуса видны медленно вращающиеся шестерни и надувающиеся мехи печей.

Доктус Савар был другом. Безразличным ко всему, что не относится к его работе. Не глупым — но и не слишком прозорливым. Доктусу не было дела до политики Универсала, главное, чтобы ему не мешали заниматься его механикой.

Октон Маджигасси знал: Савар предан и слаб. Когда Октон сделает то, ради чего собрал здесь чаров, лишь верность Владыке заставит Доктуса, преодолевая нежелание вмешиваться, оказать помощь.

— Мы ждем, — напомнил Некрос.

Октон посмотрел на него. Младший из присутствующих, Некрос Чермор был и самым нетерпеливым. Высокий и хрупкий. Изящные длинные руки, узкие ладони, тонкие черты лица. Его отец, покойный Орв Чермор, хозяин Острога-На-Костях, никогда не был женат. По городу ходили слухи, что мать Некроса — одна из ведьм, узниц Острота. Теперь тюрьмой управлял младший брат, во всем преданный Некросу. Горожане перешептывались о потайных лабораториях, оборудованных в сырых тюремных подвалах. Надо же было Некросу где-то проводить опыты? А трупы казненных преступников — вполне подходящий материал. В Форе никто не говорил «цех мертвой магии», «цех теплой магии» — говорили просто «холодный цех», «мертвый цех», будто про

объединения мясников или кожевников. Мертвый цех — самый малочисленный. Другие отправляли своих чаров в селения вокруг, между аркмастерами был договор на этот счет. Но невежественные крестьяне боялись мертвой магии, а потому у Некроса почти не было последователей. Зато у братьев Черморов имелась большая сеть соглядатаев, постоянно докладывавших о том, что происходило в Форе.

Темно-зеленые глаза Некроса были словно присыпаны прахом. Станный, противоречивый тип, подумал Владыка. И все же — пока не враг, ведь Чермор искренне полагает, что Мир может достаться ему.

А вот и третий.

Прозрачные глаза Гело Бесона смотрели куда-то даль, сквозь гранитные стены Горы Мира. Бесон был ненамного младше Октона, но гораздо крупнее и крепче. Годы не подточили его. Гело напоминал не чара, а воина: сын богатого землевладельца из Бриты, самой северной части Аквадора, гордый, уверенный в себе. Скорее прямолинейный, чем хитрый, аркмастер холодного цеха пока не проявил себя ни другом, ни врагом. К Октону он был равнодушен.

Зато Бесон ненавидел Сола Атлеко.

Подслеповато щурясь, Владыка перевел взгляд на последнего гостя. А вот это — враг. Главный соперник Гело Бесона в борьбе за власть над Универсалом.

Аркмастер цеха теплой магии, Сол Атлеко был могущественным чаром — во всем Аквадоре он уступал лишь Октону. Неприязнь между Солом и Гело Бесоном возникла с первых же дней их знакомства и быстро переросла в ненависть, слишком уж разными они были. Гело — суровый и немногословный, Сол — подвижный, порывистый, говорливый. Хотя недавно до Октона дошли слухи, что глава теплого цеха предпринимает шаги к примирению с Бесоном. Много лет отдавший изучению древних знаний, Атлеко желал стать хозяином Универсала еще и потому, что в пирамиде находился архив, библиотека, к которой с недавних пор по приказу Октона ему закрыли доступ. А еще под Универсалом хранилось то, ради чего. Сол Атлеко, как подозревал Октон, был готов отдать что угодно.

Его отец — богатый столичный клирик, но всю юность Сол провел на юге, в одной из академий пустыни. Низкорослый, как и Доктус, огненно-рыжие волосы, порывистые движения... В глубине глаз Сола Атлеко горел жадный, злой огонь.

Все пятеро знали, что Октон Маджигасси умирает. Кто-то из четверых гостей должен был стать новым Владыкой Универсала. Трое мечтали об этом, двое были нейтральны, один — врагом. Но никто из пришедших пока не понимал, что задумал старик.

— Все вы, кроме Доктуса, уже несколько раз смотрели туда... — дрожащая рука Владыки указала в сторону небольшого сундука, что стоял на низком столике возле кровати. — Когда в последний раз вы видели Мир?

Они молчали, пытаясь сообразить, к чему он клонит.

— На празднике Тентры, — откликнулся, наконец, Некрос. — Ведь так? — он посмотрел на остальных, ища поддержки. — Вы надевали его много лет назад на празднике Тентры.

— Да. С тех пор прошло семь лет. Кажется, настала пора вновь достать его.

Не отрывая взгляда от гостей, Октон протянул руку к сундуку и поднял легкую крышку. Он заметил, как выпрямился Некрос, как блеснули желтые глаза Сола. Гело лишь слегка повернул голову, а Доктус наморщил лоб, наблюдая за Владыкой. Старик опустил руку в сундук и нарочито медленно достал то, что лежало там.

Мир. Узкая золотая корона, напоминающая обруч с гладкой поверхностью. Никаких узоров, никаких украшений, кроме креста с четырьмя гнездами на концах. В них крепились парангоны разных цветов. Октон поднял Мир, медленно поворачивая, чтобы жемчужины замерцали в огне свечей.

Их называли Слезы Мира. Поднеся корону к глазам, старик увидел наполняющее жемчужины марево: у границ сфер полупрозрачное, дальше оно становилось все плотнее, сгущалось. Каждая Слеза заключала в себе отдельный мир. Одна — зелено-коричневая, мертвенная, вторая — наполненная голубым льдом, который искрился мириадами колющих глаза снежинок. В бесконечном пространстве третьей Слезы что-то полускрытое серебристым маревом перемещалось, кружилось и двигалось из стороны в сторону в медленном механическом ритме. Четвертый парангон заполнял огонь.

Слезы Мира объединяло одно — в глубине их притаилась неясная тень. Октон заметил ее несколько дней назад. Что-то еще очень неопределенное... Хотя ему казалось, что тень постепенно густеет.

— Теперь слушайте внимательно. Нечто движется к границам нашего пространства и нашего времени. Пока неизвестно, что оно собой

представляет, откуда взялось и когда точно достигнет цели. Но когда оно окажется здесь, привычной жизни придет конец. Тот мир, который мы знаем, изменится безвозвратно, и я уверен, что в нем не станет для нас места.

Воцарилась тишина. Октон прикрыл глаза, чувствуя, что даже этот короткий монолог утомил его.

— О чем вы говорите? — произнес, наконец, Некрос Чермор. — Все как обычно, я не вижу никаких изменений...

— Изменения начнутся, хоть и не скоро.

— Но это... какая-то враждебная сила? — подал голос Доктус. — И что мы можем сделать?

— Прекратить вражду, — сказал Октон, открывая глаза. — Гело, Сол, Некрос — каждый ждет, что я отдам Мир ему. Мы все знаем, что произойдет после этого, не так ли? Вы не желаете понять друг друга. Я могу сделать Владыкой Доктуса Савара, он единственный, кто не станет использовать власть для уничтожения других цехов. Но ему не добиться дружбы никого из вас. И когда-то, что приближается к нам, окажется здесь, Универсалу придет конец.

Октон смотрел на них и видел — чары не

верят ему. Никто, даже Доктус, не воспринял его слова всерьез.

— Что скажешь, Сол Атлеко?

Рыжий коротышка раздумывал над ответом недолго. Взмахнув рукой, он затараторил:

— Чушь, чушь. Вы говорите все это, потому что задумали нечто, пока непонятное нам, — в голосе главы теплого цеха не было почтения, лишь веселая злость. — Непонятное всем нам. Наше почтение, Владыка... — Сол приложил ладонь к груди и с насмешливым уважением склонил голову. — Вы всегда были прозорливы. Отличное представление, но что дальше? Позвольте нам быть честными: вы умираете, а Универсалу нужен Владыка. Так кому вы передадите Мир?

Когда он умолк, Гело остался невозмутим, Некрос посмотрел на Сола удивленно, а Доктус — с вялой неприязнью. Сол Атлеко, давно понимавший, что Мир не достанется ему, впервые позволил себе столь откровенные речи.

— Или, возможно, вы собираетесь вновь надеть обруч? — продолжал он. — Что ж, все мы садовники своей смерти. Мир даст вам еще немного времени...

— Ты полагаешь, это представление? — откликнулся Октон Маджигасси. — Я не уличный жонглер, чтобы развлекать тебя. Смотрите сами...

— Что вы делаете?! — Некрос вскочил, когда Владыка двумя пальцами сжал зелено-коричневую Слезу, повернул и вытащил из гнезда.

— Всего лишь хочу убедить вас. Возьми ее. — Владыка протянул руку с лежащим на ладони парангоном. — Эта Слеза как раз для тебя. Возьми и загляни внутрь.

Когда растерянный Некрос шагнул к старику, Сол тоже вскочил.

— Не трогай! Октон, что это значит? Отдавая ему Слезу, вы усиливаете его... — Он замолчал, увидев, что другой рукой Октон держит второй парангон, тот, в котором горело пламя.

— Ты тоже возьми. Гело, Доктус, каждый из вас сейчас получит по Слезе.

Некрос бережно принял у Владыки парангон, замороженно разглядывая его, попятился и упал в кресло. Сол, не понимающий, что происходит, получил свою Слезу, затем Октон отдал третью и четвертую. Когда гости вновь уселись, Некрос

произнес:

— Мне кажется, там какая-то тень.

— Сол? — Октон посмотрел на теплого чара, и тот быстро закивал.

— Да, да, у меня тоже.

— Доктус? Гело?

— И здесь, — сказал Доктус Савар.

Гело Бесон долго рассматривал сияющую холодным голубым огнем Слезу на своей ладони и, наконец, равнодушно обронил:

— Да.

Октон взял Мир, лежащий на его груди, и сел в постели.

— Хорошо, вы все видите тень. Она появилась недавно. Я провел некоторое время, изучая ее, и пришел к определенному выводу. Слезы затуманены *одной* тенью. Понимаете? Одна и та же сила находится внутри каждой.

— Но откуда она? — Некрос показал себе под ноги, в потолок, описал рукой круг. — Из-под земли? С неба? Из-за океана?

— Нет, не так просто. Она извне. У каждого из вас будет время, чтобы попытаться понять. Но что бы это ни было, оно приближается, хоть и медленно.

— Но это... враг?

— Враг? Скажем так — нечто другое, чуждое нам.

Чары замолчали, пытаясь понять, о чем говорит Октон, а старик наблюдал за ними, ощущая, как от Мира по его рукам расходитя мягкое живительное тепло.

— И что дальше? — спросил, наконец, Сол. — Мы берем свои слова назад, вы правы — что-то грядет, — он пожал плечами. — Ладно, когда оно появится, мы, аркмастеры, разберемся с ним. Что дальше, Владыка? Сейчас мы отдадим вам Слезы, вы вернете их в Мир и...

— Кому вы передадите его?

Последние слова произнес Некрос, после чего все замолчали. В наступившей тишине Октон Маджигасси сказал:

— Каждый из вас получил Слезу, которая наиболее отвечает духу его цеха. Слезы усилят вас. Никто не получит Мир. Он исчезнет. Чтобы

найти обруч, вам придется объединиться — и тогда вы сможете противостоять чуждой силе. Или вы попытаетесь добыть его поодиночке... Но тогда Аквадору конец.

«Старик! Где ты собираешься спрятать Мир? Отправишься в дальнее путешествие? Но ведь ты умираешь!» — эти слова, произнесенные Солом Атлеко, все еще звучали в голове Октона, когда четверо покинули его спальню. Возможно, узнав, что он задумал, трое чаров попытались бы убить Владыку. Он видел ненависть Сола, злость Некроса, холод в глазах Гело — но их остановило присутствие остальных. Заполучив Мир, им пришлось бы сражаться с каждым из аркмастеров, чтобы завладеть Слезам, без которых обруч терял часть силы. Хотя даже сейчас Мир оставался символом власти над Универсалом, владение им и всего лишь одним парангоном давало немало...

Но они не решились напасть и покинули пирамиду. Каждый думал о своем: Октон видел, как были напряжены их лица, когда они уходили. В самое ближайшее время они начнут действовать.

Он поднялся с постели и надел Мир.

И когда Владыка Универсала встал перед висящим на стене зеркалом, он увидел не

старика — морщины разгладились, спина распрямилась, с глаз исчезла старческая поволока. Даже лишенный своих Слез, обруч наполнил его силой. Ненадолго — вскоре немощь вновь завладеет Октоном. Но, как и четверо верховных чаров, он не собирался медлить.

Глава 2

— Благодарю, Гарон.

Чванливость не числилась среди грехов Доктуса Савара. Он не видел различий между богатым и бедным, крестьянином и землевладельцем, собой и последним подмастерьем из своих мастерских. Он вообще мало что замечал, кроме своих мастерских. Привратник кивнул, выглянул на темную улицу и закрыл дверцу в воротах. Доктус пересек двор, миновав несколько дверей, стал спускаться по крутой каменной лестнице. Голова его наполнилась мыслями о том, что произошло в спальне Владыки. Доктус не понимал всех хитрых извивов внутренней политики Универсала. Ему оставалось лишь беспомощное осознание того, что происходит нечто, выходящее за границы его разума, и страх, что это может помешать его работе. Растерянность владела им все то время, пока он добирался от пирамиды до городской окраины. Здесь, не без помощи Владыки, под его начало был передан почти целый квартал. Конечно, Форой управлял не Универсал, а городской Приорат, состоящий из приосов, старшин немагических цехов — торговцев, кожевников, ткачей, мясников, оружейников и лекарей-аптечников, — но все они

прислушивались к словам Владыки.

Пока Доктус шел по лестнице, озабоченность постепенно оставляла его, походка становилась тверже. Мыслями он уже был внизу. Еще несколько шагов, поворот наклонного коридора, последняя дверь — и чар остановился на широкой огороженной площадке, поддерживаемой двумя каменными столбами.

Площадка располагалась под сводами просторной пещеры, дальнюю часть которой скрывала дымная мгла. Там что-то вращалось, низкорослые фигуры сновали среди сполохов огня и резких, глубоких теней. Слышались лязг, постукивание молотков, топот и голоса. Кто-то отдавал команды, несколько глоток хором распевали песню.

Доктус упер локти в ограждение, глядя вниз на выложенные двумя прямоугольниками деревянные ребра. Рабочие покрывали их обшивкой, создавая остовы того, что после окончания работ будет напоминать баржи с глубокими трюмами и тупыми носами. Обшивка имела бледно-желтый цвет — после долгих споров для нее избрали сосну. Это дерево удобно обрабатывать, к тому же в ней много смолы, и потому оно стойко к гниению. При высыхании сосна не коробится, но главное — она прочна и легка.

На красном лице Доктуса Савара появилась улыбка.

— Э! — Одна из низкорослых фигур задрала голову, приложив ладонь козырьком ко лбу. — Великий чар, ты пришел? Спустишь, мы вот-вот начнем!

Голос был не совсем обычен, он произносил слова с хорошо различимым диковинным акцентом. В наречии, которое использовали работники большой мастерской, присутствовало много непривычных выражений. К примеру, себя они называли «славными карлами».

— Иду.

Продолжая улыбаться, он спустился по железным ступеням еще одной лестницы.

— Что у вас, добрый Бьёрик?

Огонь печей боролся со светом факелов. Босой кривоногий малый, ростом по пояс чару, одетый в широченные штаны, рубаху и фартук, вытер о бороду черную от копоти правую руку. Левая у него отсутствовала, рукав был обрезан и зашит.

— У нас все получилось. Смотри, великий чар...

В голосе Бьёрика не было и тени подобострастия — лишь уважение. Уже обретя знания и ступив на путь вещественной магии, Доктус стал искать кого-то, кто смог бы работать в большой мастерской, которую он собирался построить. Приорат Форы отказал в разрешении на строительство посреди города, а Доктус не хотел далеко переезжать. Впрочем, он ничего не имел против подземелий. Оставалось найти рабочих, кузнецов, плотников и других, которые согласятся проводить большую часть времени под землей. В своих поисках он наткнулся на немногочисленное племя гноморобов, обитавшее на побережье полуострова Робы, самой западной части Зелура. Они были известны как кузнецы, мастера по работе с металлами. Воспользовавшись поддержкой Владыки, Доктус спас их столицу от притязаний Великого Приоса, управлявшего полуостровом. После этого многочисленный отряд славных карл добровольно пошел к аркмастеру в услужение и поселился в Форе вместе с женами и детьми. На родине гноморобы не строили жилища в обычном понимании этого слова. Они *рыли* их, потому что привыкли жить не на поверхности, а под землей. Когда они переехали в Фору, городской Приорат по просьбе Владыки выделил небольшой квартал на окраине, пустующий после сильного землетрясения.

Землетрясения часто случались в центральных областях Аквадора. Этот квартал раскололся широким разломом, от которого во все стороны тянулась сеть трещин. Карлы не стали восстанавливать полуразрушенные, покинутые дома, но поселились в подвалах, соединив их паутиной ходов. Корневой разлом, укрепив деревянными дугами и каменной кладкой, переделали под огромную мастерскую.

— Смотри, великий чар. Это называется мишень. Неподалеку от печи два зажима вертикально удерживали широкую доску толщиной в три пальца.

— А это — станина и ствол.

Бьёрик встал у торца длинной низкой лавки. К ней тремя дугами крепилась железная труба шириной в два запястья, с одного конца открытая, а с другого имевшая утолщение и узкое отверстие сверху. Из этого отверстия торчал трут.

— Уже готово? — Доктус склонился, разглядывая отверстие. — А заряд?

— Ты, конечно, хотел сказать «метательный снаряд»? Просто кусок железа из плавильной печи. Камера, выходное отверстие, запальная полка — все по тому чертежу, что мы с тобой

сделали вчера. Юный Гарбуш, огонь!

Теперь всякие мысли о кознях чаров и Универсале окончательно оставили Доктуса. Вокруг уже столпились карлы, желающие увидеть, что произойдет дальше. Один из них, самый молодой и почти безбородый, бросился к печи и вскоре вернулся с горящей деревяшкой в руках.

— Эй, там, отойдите!

Стоящие между лавкой и доской гноморобы расступились.

— Дальше, дальше! — Бьёрик поднес лучину к труту. Тот быстро прогорел, огонек исчез в узком отверстии.

— Великий чар, тебе бы тоже лучше посторониться, ведь горячий песок...

Песок взорвался. Из трубы вылетел черно-красный язык, грохот заглушил не только слова доброго Бьёрика, но и гудение печей, и стук молотков, и все другие наполнявшие мастерскую звуки.

Доктус обнаружил, что стоит на четвереньках рядом с отъехавшей назад на добрых три локтя лавкой, а большая часть гноморобов валяется на

полу. Аркмастер почти оглох от грохота.

— Готово. — Бьёрик выпрямился и ухватил чара за плечо, помогая ему подняться. — Слышишь меня? Шум... Несколько сильнее, чем мы думали.

Гноморобы вставали, очумело мотая головами. Доктус похлопал себя по ушам, посмотрел на мастера, на железную трубу. Камера для горячего песка в ее задней части взорвалась, раскрылась рваными железными лепестками.

— Слишком сильный заряд! — оттолкнув Бьёрика, он бросился к мишени, позабыв про дрожащие ноги и гул в голове.

У края расщепленной надвое доски образовалось обширное отверстие.

— А где, э... метательный снаряд?

Перекидывая с ладони на ладонь еще горячий кусок металла, прибежал молодой гномороб, который ранее поджег лучину для трута.

— Ага... — Доктус взял «метательный снаряд», осмотрел со всех сторон и передал Бьёрику. — Знаешь, в чем оплошность?

Бьёрик был зол — опыт, мягко говоря, прошел не совсем так, как он рассчитывал.

— Оплошность! Промах! — он швырнул кусок металла на пол и запрыгал, топча его и потрясая рукой. — Надо все начинать сначала! Все это — один сплошной промах!

— Почему промах, добрый мастер, мы же попали?.. — молодой гномороб указал на развороченную доску.

— Ты! — добрый мастер схватил его за фартук и принялся трясти. — Кто отвечал за крепость металла, юный Гарбуш? — он мотнул головой в сторону трубы на лавке. — Камера не выдержала! Ты выплавлял металл для камеры и клялся...

— Добрый мастер... — подступив к ним, Доктус заставил Бьёрика отпустить юного Гарбуша. — Постой, нельзя винить его одного. Ты сам приказал использовать тот же металл, который выплавляли для заклепок ковчегов. Возможно, для этого опыта он не годится, слишком легок. И потом, юный Гарбуш не занимался горючим песком. Быть может, переизбыток селитры... И еще, добрый Бьёрик, мне пришло в голову, что мы неправильно рассчитали, ну... — уже в который раз Доктус сталкивался с тем, что ему не хватает слов. Язык Зелура не предназначался для того, чем они

занимались. — Я имею в виду то, с какой силой лавка и труба подались назад...

Отпустив юного Гарбуша, Бьёрик устался на лавку.

— Сила отдачи, — пробормотал он, ухватив себя за бороду. — Сила отдачи, вот что это такое. Метательный снаряд, вылетев из трубы... из ствола, сообщает ему... сообщает ему...

— Ускорение, равное тому, с которым он вылетел, — подсказал Доктус, но, подумав, поправился: — Нет, не так. Ускорение — минус вес трубы и лавки...

— Ствола и станины, — машинально поправил добрый Бьёрик.

— Да-да, ствола и станины...

— Почему минус? — вклинился в разговор юный Гарбуш. — А как же уроки мудрого Шерги? Я хорошо помню, он рассказывал про деление. Что если сила... сила выстрела заряда, то есть метательного снаряда, исчисляется массой и ускорением, сообщенным этой массе газами горячего песка, а сила отдачи — этими же массой и ускорением, но деленными на массу трубы и лав...

— Ствола! — заорал добрый Бьёрик. — Ствола и станины! Мудрый Шерги — старый перду... древний ветрогон и... хотя... — Он замолчал, вновь вцепившись в свою бороду и выпученными глазами уставившись на станину. — Уменьшение доли селитры — да. Тут ты прав, великий чар. Мы используем селитру, серу и сушеные опилки. Сдается мне, опилки следует заменить молотым бурым углем.

— Нет, обычным древесным углем! — вставил Гарбуш.

— Итак, селитра, сера, уголь. Еще мы добавляем туда всяческий мелкий мусор, мякоть для замеса — она и вылетает из ствола при выстреле, ты сам видел, великий чар. Следует что-то придумать с этим. И нам нужен другой, более тяжелый металл для ствола. Надежный крепеж для станины. И, быть может, если мы придадим заря... метательному снаряду определенную форму... Мне представляется, чем-то она должна напоминать корабль. Острый нос, чтобы легче преодолевать... преодолевать сопротивление...

— Добрый мастер, но какое у эфира сопротивление? — вновь вмешался Гарбуш. — Корабли плавают в воде, сиречь в более плотной среде, заряд же летит в эфире, который... — он помахал ладонью перед носом доброго мастера.